
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Д.Г. Трунов

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРОТИВ СЕКСУАЛЬНОСТИ: ЧЕТЫРЕ МУЖСКИХ КОМПЛЕКСА (ЭССЕ)

Аннотация. В представленном эссе рассмотрены примеры мужских персонажей: Отелло, Арбенин, Карандышев, Синяя Борода, Стенька Разин, Персей. Выбор этих персонажей обусловлен тем, что их «случаи» являются иллюстрациями, в которых конфликт между потребностью в мужской идентичности и сексуальным влечением решается в пользу идентичности. Это доказывается тем, что все они убили женщин, которые были для них сексуально привлекательными, а некоторые даже женами и любимыми, только потому, что они наносили ущерб их мужской идентичности. Истории выбранных персонажей рассматриваются как своеобразные «психологические комплексы», как метафоры, или прототипические модели, воспроизводимые в реальных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, хотя и не обязательно имеющие подобного драматического финала. Мужчины, обремененные данными комплексами, совершают «символическое убийство», состоящее в унижении, оскорблении, игнорировании женщин, несущих угрозу их мужской идентичности, даже если они испытывают к этим женщинам сексуальное влечение. В рассматриваемых ситуациях «пол» как физиологическая категория подчиняется «гендеру» как социокультурному образованию.

Ключевые слова: психология, идентичность, сексуальность, комплекс, пол, влечение, конструкт, мужчина, убийство, гендер.

В одном из номеров журнала «Семейная психология и семейная терапия» была опубликована моя статья о трех женских комплексах¹. Теперь настала пора «уравновесить» положение, то есть рассмотреть повнимательнее мужчин.

Но прежде чем это сделать, кратко очерчу положения, из которых я исхожу и которые отражают идею, вынесенную в заглавие этой и прошлой статьи («идентичность против сексуальности»).

1. «Ведущий мотив» существования человека есть *потребность в идентичности*, или, другими словами, формулирование, конструирование и утверждение своего «Я», позиционирование себя в качестве «кого-то» — будь-то стандартный или уникальный вариант. Противоположный полюс — *быть никем* — это самое страшное для человека, поскольку означает вообще *не быть*.
2. Потребность в идентичности лежит вовсе не в *глубине* — подобно фрейдистской «вытесненной сексуальности», — а *на поверхности*, она совсем не «скрывается за...» и потому не является чем-

то «с трудом обнаруживаемым», до чего нужно долго добираться. Идентичность — как ответ на вопрос «Кто я?» — всегда доступна, хотя может быть весьма размытой («диффузной»); а потому в случае идентичности речь никогда не идет о «бессознательности», «сокрытости», но лишь о не достаточной ее оформленности, определенности. «Осознание себя» — это ни что иное как четкое определение себя в терминах того или иного дискурса.

3. «Мужские комплексы», которые я рассматриваю ниже, понимаются мной как *конфликты* между сексуальным желанием и мужской идентичностью, то есть противоречия между «инстинктивным влечением» и вполне социальной потребностью «называться мужчиной». Как это ни удивительно, но сексуальное влечение (в чисто физиологическом смысле) может не согласовываться с требованиями мужской идентичности.
4. Весьма часто (а, возможно, всегда) в случаях, когда идентичность входит в противоречие с сексуальностью (а именно такие случаи будут рассмотрены в данной статье), одерживает победу все-таки *идентичность* — как *более значимый* для человека мотив.

¹ Трунов Д.Г. Идентичность против сексуальности: три женских комплекса // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 2. С. 109-113.

5. В качестве иллюстраций непримиримых конфликтов между сексуальностью и идентичностью, в которых берет верх идентичность, я взял персонажей-мужчин, которые отмечены в истории, литературе, мифологии как убийцы женщин², — поскольку самым лучшим доказательством победы потребности в идентичности над сексуальным влечением служит именно *убийство* женщины, являющейся для мужчины сексуальным объектом. Здесь я исхожу из аксиомы (а потому не буду доказывать этот тезис): если мужчина испытывает к женщине сексуальное влечение, не проблематизирующее его мужскую идентичность, он *никогда* ее не убьет.
6. Выбранные мною персонажи могут рассматриваться в качестве своеобразных *прототипов* для вполне реальных ситуаций взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Конечно, в обычной жизни мы чаще всего встречаемся не с реальным, а с *символическим* убийством, которое проявляется в унижении, оскорблении, игнорировании женщины; хотя в «особо тяжелых» случаях речь может идти о физическом насилии или даже убийстве.

Отелло — Арбенин — Карандышев

Отелло — герой одноименной трагедии У. Шекспира³, который, как известно, убил свою жену из ревности, и тем самым прославился на весь мир, поскольку вместил в себя нечто архетипическое. Во всех случаях ревности можно разглядеть общий принцип: когда мужчине предпочитают другого (даже если ему это только кажется), это наносит удар по его мужской идентичности («оскорбляет его мужское достоинство»). Деструктивная реакция мужчины, особенно приводящая к смерти объекта ревности, свидетельствует о *непереносимости* этого ущерба для мужчины, а также о том, что ущербная мужская идентичность *«перевешивает»* сексуальное влечение и вообще какую-либо симпатию к женщине.

Непосредственно перед убийством своей супруги Отелло, оставшегося наедине с Дездемоной, раздрают противоречия, с одной стороны, он, несомненно, любит ее, он испытывает к ней страсть, а с другой стороны, он не может совладать с гневом, толкающим

его на «отмщение». Думаю, что вполне логично рассуждать: если бы его любовь и, в частности, его сексуальное влечение к Дездемоне было определяющим, *преобладающим* в его отношении к ней, он бы ее *не* убил. Если бы сексуальное влечение Отелло было на первом месте, он — несмотря ни на что — *сохранил* бы объект своей страсти, хотя, возможно, и применил бы к своей супруге какие-то санкции, но исключительно до той степени тяжести, которая не повлекла бы за собой потерю супругой ее сексуально-эротической функции. Но поскольку случилось убийство, значит в любви к Дездемоне преобладало что-то, гораздо *более важное*, чем сексуальное влечение, и что было безвозвратно потеряно в результате предполагаемой «измены».

В чем же состоит этот урон? И за что «мстит» Отелло своей супруге?

Его гневные слова говорят о том, что Дездемона разрушила тот «светлый образ», который Отелло носил в себе и, собственно говоря, который, видимо, больше всего любил Отелло. Этот светлый образ «чистой» и «верной» супруги как бриллиант сиял в мужской идентичности Отелло: ведь именно он (а не другой мужчина) — обладатель такого сокровища. «Измена» Дездемоны лишает Отелло его уникального статуса «богача», теперь его супруга — «шлюха» (выражение Отелло). Отелло не может пережить такую потерю и убивает свою супругу, что свидетельствует о том, что потребность в идентичности («У меня чистая, непорочная красавица-жена») оказалась для Отелло важнее его страсти к ней. Конечно, Отелло этого не осознает, он прикрывает свой личностный ущерб верой в то, что совершает «высшее правосудие», отправляя свою «неверную» супругу в ад...

Хотя, надо отдать должное, Отелло оказался честным ревнивцем — он смог признать свою ошибку и в свою очередь не менее сурово наказал себя. Чего не скажешь об **Арбенине**, герое лермонтовского «Маскарада»⁴, — вину за убийство своей жены он взвалил на «Неизвестного». Но что подвигло Арбенина расправиться со своей супругой Ниной, которую он, несомненно, любил?

У ревнивца Арбенина *свой* акцент. Арбенин — это человек, который презирает людей, нередко обманывает их и с иронией относится к своим жертвам, и чтобы самому защитить себя от возможного обмана и насмешек, он прячется в броню невозмутимости и недоступности. («И холодно закрыл объятия / Для чувств и счастья земли...») Эта психологическая за-

² Хочется предупредить, что приведенные ниже рассуждения вовсе не ставят целью исчерпывающий психологический или литературный анализ данных персонажей.

³ Шекспир У. Трагедии. М., 2005.

⁴ Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990.

щита («черствая кора») указывает нам на уязвимое место в его душе — на боязнь самому быть *обманутым* и *осмеянным*.

Для любого мужчины, вероятно, важно, чтобы его уважали, то есть воспринимали *всерьез*, быть может, даже боялись. Для Арбенина же обман и насмешка являются *самыми* опасными врагами, от которых он научился защищаться, если они исходят от его противников, но когда он подозревает предательство своей супруги Нины — единственного искренне любимого им человека, — он становится крайне уязвимым и теряет самообладание, он уже не может хладнокровно рассуждать, он больше верит своим подозрениям, чем уверениям Нины. Самолюбие Арбенина особенно уязвляется, когда Нина проявляет *несерьезное* отношение к его чрезмерному вниманию к пропаже браслета: «Смешно, смешно, ей-богу! / Не стыдно ли, не грех / Из пустяков поднять тревогу». Эти слова Арбенин понимает как издевку, они действуют на него как «красная тряпка». Он еще готов снести насмешку над собой как над влюбленным, но он не потерпит глумления над собой как над обманутым: «...я смешон, конечно, / Тем, что люблю тебя так сильно... <...> Но если я обманут... если я / Обманут... если на груди моей змея / Так много дней была согрета, — если точно / Я правду отгадал... и, лаской усыплен, / С другим осмеян был заочно! <...> Тогда не ожидай прощенья...»

Собственное воображение Арбенина, в котором он представляет себя осмеянным, ввергает его в гнев, который уничтожает всю его любовь и страсть. Приведу дальнейший диалог между Ниной и Арбениным, в котором тема насмешки становится ключевой: «[Нина:] Не подходи о, как ты страшен! [Арбенин:] Неужели? / Я страшен? нет, ты шутишь, я смешон! / Да смейтесь, смейтесь же... зачем, достигнув цели, / Бледнеть и трепетать? скорее, где же он, / Любовник пламенный, игрушка маскарада; / Пускай потешится, придет... / [Нина:] Так вот какое подозренья! / И этому всему виной один браслет; / Поверьте, ваше повеленье / Не я одна, но осмеет весь свет! / [Арбенин:] Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные, / Беспечные, но жалкие мужья, / Которых некогда обманывал и я... / [Ей] Прочь от меня, гиена! / И думал я, глупец, что, тронута, с тоской, / С раскаяньем во всем передо мной / Она откроется... упавши на колена? / Да, я б смягчился, если б увидал / Одну слезу... одну... нет! смех был мне ответом».

«Шторки» окончательно закрылись, теперь Арбенин больше ничего не видит и не слышит, никакие оправдания и уговоры на него не действуют. Его больное мужское «достоинство», так тщательно

охраняемая идентичность не может перенести представляемое им глумление света — тех людей, над которыми привык смеяться он. Никакая «любовь» не перевесит его ослепляющего страха быть смешным, — это главная угроза для его идентичности, — а потому Арбенин не выносит «предательства» и убивает Нину с помощью яда.

Еще один ревнивец — **Карандышев**, герой пьесы А.Н. Островского «Бесприданница»⁵ — тоже, похоже, очень хотел, чтобы его воспринимали *всерьез*. Карандышеву очень хотелось, чтобы Лариса увидела в нем *настоящего мужчину*, способного защитить ее, «отмстить за оскорбление». Когда же Лариса прямо заявляет ему, что его «покровительство» оскорбляет ее, что он «слишком мелок и ничтожен» для нее, то Карандышев начинает мстить. Сначала он оскорбляет Ларису, назвав ее «вещью», но окончательно его выводит из себя, то, что Лариса отказывается ему «принадлежать», и тогда он убивает ее из пистолета, произнеся знаменитые слова: «Так не доставайся ж ты никому!» Так отсутствие подтверждения своей мужественности и невозможность слыть обладателем красивой женщиной одержали победу над «любовью» Карандышева к Ларисе.

Итак, в рассмотренных выше «случаях» ревность как реакция на попорченную мужскую идентичность становится гораздо важнее сексуального влечения. И никакая симпатия, никакая страсть, никакая любовь не помогают предотвратить деструктивных действий.

Синяя Борода

С точки зрения традиционных гендерных стереотипов, важной (если не центральной) составной частью мужской идентичности является *обладание властью*. Признаком власти, ее доказательством является *подчинение* себе другого человека. Отсюда следует, что подчиняющийся человек способствует утверждению мужской идентичности своего властителя, а непокорный человек — опровергает ее. Другими словами, человек, который не повинуется своему властителю, демонстрирует несостоятельность последнего как сильного и властного мужчины.

Переоценка силы и власти как компонента мужской идентичности приводит к комплексу Синей Бороды, названному в честь известного персонажа

⁵ Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 16 т. Том 8. М., 1950.

сказки Шарля Перро⁶. В этой сказке Синяя Борода убивал своих жен за то, что они его *не слушались* и, следуя своему любопытству, открывали запретную дверь. Видимо, Синюю Бороду в гораздо меньшей степени интересовали сексуальные достоинства его жен или другие их способности, его волновал лишь один вопрос: имеет ли он над ними власть, или — что тоже самое — подчиняются ли они ему. Все женщины, которые не прошли его «тест», были убиты (а других, собственно говоря, и не было). Как свидетельствует сказка, Синяя Борода — это человек, не имеющий власти над женщинами, человек, который не умеет ими управлять, который бессилён против них, то есть *импотент в сфере власти*. С точки зрения стереотипов «гегемонной маскулинности», он — не «настоящий мужчина», поскольку настоящий мужчина должен *подчинять* себе женщин. Синяя Борода не мог спокойно относиться к такому унижительному положению безвластного «импотента» и убивал женщин как свидетелей его бессилия; а их, между прочим, он брал когда-то в жены, поскольку, видимо, все-таки оценивал их как женщин. Однако никакие женские достоинства (в том числе сексуально-эротические) не имели достаточной ценности, чтобы компенсировать ущерб, нанесённый непослушанием.

Кто есть «Синяя Борода» вне сказочной реальности? Это человек, который видит в женщине слугу. Женщина интересна только в том случае, если она признает его власть и подчиняется ему. Если такого не происходит, ей ничто не поможет, ни красота, ни сексуальность. Напротив, чем более красива и сексуальна женщина, тем острее нужда во властвовании над ней. Красота и сексуальность становятся мерилем мужской идентичности исключительно в случае *подчиняющейся* («покоренной», «укротенной») женщины. С этой точки зрения, вступление в сексуальный контакт является не столько средством физического удовлетворения, сколько символическим актом обретения-подтверждения власти над женщиной — сначала непокорной, а затем подчиняющейся. Мужчина-«Синяя Борода» получает удовольствие не от самого по себе сексуального акта, а от сознания своей власти над «покоренной»

женщиной. Он упивается не столько физическими ощущениями, сколько своей властью.

Напротив, фрустрация потребности во власти (а стало быть, в подтверждении мужской идентичности), например, отказ подчиниться, вступить в сексуальные отношения приводит «Синюю Бороду» в ярость, поскольку подвергает сомнению его мужественность-главенство. Агрессия мужчины-«Синей Бороды» выражается на вербальном (унижения, оскорбления) и/или невербальном уровне (физическое насилие), в ход идут различные варианты уничтожения женщины — символические (игнорирование, пренебрежение) или реальные, вплоть до нанесения физического ущерба и убийства. Заметим, что все эстетические и сексуальные достоинства женщины при этом обесцениваются «Синей Бородой» (что доказывает их подчиненность по отношению к потребности во власти), поскольку *признание мужчиной* этих достоинств не совместимо с *непризнанием женщиной* его власти, а последнее гораздо важнее для мужчины-«Синей Бороды».

Стенька Разин

Любопытной особенностью мужской идентичности является то, что для мужчины очень важно быть принятым и оцененным не столько женщинами, сколько *мужчинами*. Безусловно, оценка мужчины женщиной (женщинами) весьма важна для поддержания его психического благополучия, но не является ключевой, стержневой в его самооценке, это скорее декоративное обрамление, чем фундамент. Мужчина должен *обязательно* подтвердить свою идентичность (в данном случае «мужественность») у соответствующего «авторитетного мужчины» или «мужского сообщества». Если он не получит такого подтверждения, то ему не поможет ни одна женщина. Более того, высокая оценка женщин на фоне низкой оценки собратьев по полу — это ни что иное, как крах мужской идентичности (по крайней мере, традиционной).

Огромную роль в поддержании мужской идентичности играли, играют и, вероятно, всегда будут играть так называемые «мужские союзы» (сегодня это — клубы, группы, компании и пр.). Отделение от женщины и вступление в мужской союз — ключевой момент в жизни юноши, который *благодаря этому* становится мужчиной. Ярче всего это можно было бы наблюдать в первобытные времена, когда все юноши проходили *обряды инициации*, обеспечивающие переход из женского мира в мужской, — это мы имеем и в настоящее время, когда почти не осталось

⁶ «Синяя борода» (фр. La Barbe bleue) — французская народная сказка, которая литературно обработана и записана Шарлем Перро и впервые опубликована им в книге «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями» в 1697 году. Прототипом персонажа мог послужить французский барон и маршал Жиль де Рэ, казнённый по обвинению в многочисленных убийствах. Текст сказки см.: Французская литературная сказка XVII-XVIII вв. М., 1990.

официальных обрядов взросления, но появилось множество неофициальных ритуалов вхождения в мужские сообщества. И вот тут-то мы встречаем обезличенную инструментальную сексуальность, в рамках которой сексуальный акт выступает как своеобразная инициация, как испытание, подтверждающее (в мужской среде) наличие мужественности. После этого подтверждения женщина (будучи лишь «объектом-инструментом») часто теряет свою привлекательность, это уже «отработанный» и выполнивший свою функцию «материал». Более того, что очень важно для данной темы, *непривязанность* к сексуальному объекту, *независимость* от него понимается как проявление *настоящей* мужской силы. Если же, напротив, мужчина обнаружит свою «податливость», «подвластность женским чарам», то он прослышет «слабым» и, в конце концов, может быть даже отвергнут своими братьями-мужчинами, — что практически означает *потерю*, своей мужественности. Чтобы быть настоящим мужчиной, «претендент» должен отдать предпочтение мужскому сообществу, а не женщине, которая, тем не менее, может ему даже нравиться.

Таким образом, мы снова встречаемся с противоречием между мужской идентичностью и сексуальностью, которое решается путем следования требованию идентичности — пренебречь своей страстью. Для иллюстрации данного «комплекса» я выбрал персонаж по имени Стенька Разин, точнее — его поступок, легший в основу известной песни⁷. В ней, напомним, поется о том, что Стенька Разин справляет свою свадьбу, и вот, когда он «обнявшись сидит с княжной», позади него раздается «ропот» его собратьев: «Нас на бабу променял / Только ночь с ней провождался / Сам наутро бабой стал». Услышав эти слова, Стенька Разин реагирует как «настоящий мужчина» (то есть верный член мужского союза): «Мощным взмахом поднимает / Он красавицу княжну / И за борт ее бросает в набежавшую волну».

Так было в песне, ну а в жизни независимость от женщины, свобода от сексуального влечения и принадлежность мужскому союзу (как источнику идентичности) демонстрируется тем, что мужчина «убивает» женщин *символически*: он обсуждает и высмеивает женщин в мужской компании, рассказывает о своих «подвигах», в которых демонстрирует пренебрежение женщиной, — все это призвано представить «мужественность» как способность быть сильнее своего сексуального влечения.

Персей

Как известно, древнегреческий герой Персей совершил подвиг, убив Медузу Горгону, которая своим взглядом внушала такой страх, что все, кто смотрели в ее глаза, в буквальном смысле каменели от ужаса. Этот миф хорошо известен, но посмотрим на него с иной стороны.

Начнем с того, что Персей — это не герой, а трусливый и потому очень хитрый мужчина, который не захотел встретиться с Медузой Горгоной *с глазу на глаз*. Во-первых, Персей убил Горгону, когда она спала и была беззащитной; во-вторых, он убил ее с помощью щита — своеобразного *посредника*, «погасившего» силу Горгоны. Если бы Персей сражался с Горгоной в открытом и честном бою, он бы, безусловно, проиграл. Вместо этого Персей действовал *исподтишка*, используя специальные инструменты, которыми снабдили его боги, и благодаря которым он справился с Горгоной.

Исходя из этого, назовем «комплексом Персея» боязнь выдающихся, неординарных, сильных, умных, талантливых и пр. женщин, — смутно осознаваемый страх, что на их фоне мужчина будет выглядеть слабым и безвольным, глупым и бездарным. Дело в том, что мужская идентичность мужчины-Персея строится на чувстве уверенности в своей *силе*. А потому заранее предвидя свое возможное поражение, мужчина пытается «обезвредить» женщину или вообще устранить ее. Яркий пример — это мужчина-руководитель, в подчинении у которого находится умная женщина. Он не продвигает ее по службе, а, используя в качестве «инструментов» связи, сплетни, интриги и пр., он находит повод принизить ее достоинства или вовсе от нее избавиться, то есть уволить.

Особым обстоятельством, крайне обостряющим комплекс Персея, является *красота* женщины. Если женщина красива, то мужчина не может этого не заметить, он неизбежно начинает чувствовать естественную симпатию к ней или даже сексуальное влечение. Обычный («нормальный») мужчина может признать красоту и другие достоинства женщины и даже — если захочет — признаться ей в своем расположении. Мужчина-«Персей» этого никогда не делает, поскольку он испытывает *страх быть слабым*. Выдающиеся качества женщины являются серьезной угрозой для его мужской идентичности, основанной на силе и доминировании. Он буквально *цепенеет* при встрече с красивой, умной и независимой женщиной, подобно тому, как все, увидевшие взгляд Медузы Горгоны, превращались в камень. А

⁷ Источником данной песни послужило стихотворение Д.Н. Садовникова, написанное в 1883 г.

потому, во избежание этого, он держится в отдалении и старается не приближаться к такой женщине физически и психологически. Скрытая опасность, которую несет незаурядная женщина для мужчины-«Персея», вызывает у него острое желание избавиться от нее, символически «убить», но не явно, а каким-либо тайным и безопасным способом. Мужчина не может выступить открыто, потому что, встретившись с ней лицом к лицу, он не сможет ничего сделать. Поэтому мужчина-«Персей» *издалека* радуется неудачам женщины, ее ошибкам и поражениям, к тому же он сам может стать тайным инициатором возникающих у нее проблем.

Примечательна и даже поучительна история самой Медузы Горгоны. Мы в основном привыкли представлять ее как отвратительную, злую и коварную особу, которая вызывала у людей своим взглядом смертельный ужас, от которого все каменели. На самом же деле Медуза Горгона была необычайно красива, могущественна, независима и свободолюбива. Что, конечно же, очень не нравилось богине Афине, привыкшей к безусловному подчинению и признанию ее первенства. Она увидела в Горгоне свою соперницу и предпочла радикально с ней расправиться. Так, Афина использовала Персея, научив его хитрости, с помощью которой можно победить Горгону⁸. Из этой мифической истории можно сделать два вывода, которые мы рискнем спроецировать в реальную жизнь.

Во-первых, получается, что за фигурой «героя» Персея стояла *другая* фигура — покровителя и инициатора данного «подвига». Быть может, подобно этому за спиной мужчины-Персея тоже (всегда?) скрывается некая «темная фигура», источник его «мужества» и «силы», например, еще одна сильная женщина. И это лишний раз доказывает, что мужчина-Персей *сам по себе* не несет в себе ничего героического, он лишь инструмент в борьбе между могущественными «фигурами», а его мужская идентичность «сильного и смелого героя» удовлетворяется сомнительными по своей честности «победами», помогающими ему скрыть от самого себя свое собственное ничтожество.

Второй урок этого античного мифа состоит в том, что образ *безобразной* Медузы Горгоны — это была ложь, «сфабрикованная» версия, специально созданная «молва», служившая оправданием убийству. Подобно этому вокруг незаурядных личностей

всегда активно продуцируются и распространяются разные порочащие слухи, подготавливающие почву для их низвержения и/или последующей расправы. Так вершат свои дела *реальные* «персеи» и их «вдохновительницы».

Итоги

Таким образом, для персонажей-мужчин, которые были выбраны мною в качестве иллюстраций, ситуация непримиримого противоречия между идентичностью и сексуальностью была решена в пользу идентичности, при этом имеющееся или возможное сексуальное влечение (а в некоторых случаях даже любовь) было отодвинуто на второй план как менее актуальная потребность.

Мужская идентичность — образ «настоящего», «нормального», «обычного» мужчины — включает в себя различные качественные параметры: быть сильным, быть смелым, быть главой, быть самостоятельным, быть богатым и т.д.

Что касается сексуальности, то она, безусловно, тоже входит важным составным элементом в мужскую идентичность, но занимает скорее *подчиненное* положение по отношению к другим параметрам.

При этом сексуальность как *часть мужской идентичности* является по сути *социальным конструктом*, который подразумевает идентификацию с утвержденным в социуме образом «сексуально привлекательного» и «сексуально состоятельного» мужчины.

Что касается сексуальности как *физиологического влечения*, то она явно находится в подчинении у сексуальности как *социального конструкта*. Последняя по максимуму *использует* первую, а в случае необходимости *имитирует* («эмулирует») ее.

Попробую предположить, что в женской идентичности сексуальность (в том числе любого рода самопозиционирование относительно нее) занимает более значимое положение, чем у мужчин. Если говорить другими словами, для женщины стремление быть «красивой», «сексуально привлекательной» более существенно, чем аналогичное стремление для мужчины.

Однако, опять же, когда речь идет о сексуальности в структуре женской идентичности, то имеется ввиду не *физиологическая* сексуальность («телесное сексуальное влечение»), а *социальный конструкт* — конвенционально закрепленный образ «сексуально привлекательной женщины». В любом случае — как у мужчин, так и у женщин — «пол» уступает «гендеру».

⁸ С печальной историей титаниды Медузы Горгоны можно познакомиться в пересказе Я.Э. Голосовкера (Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М., 1955).

Список литературы:

1. Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М., 1955.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990.
3. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 16 т. Том 8. М., 1950.
4. Трунов Д.Г. Идентичность против сексуальности: три женских комплекса // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 2. С. 109-113.
5. Французская литературная сказка XVII-XVIII вв. М., 1990.
6. Шекспир У. Трагедии. М., 2005.

References (transliteration):

1. Golosovker Ya.E. Skazaniya o titanakh. M., 1955.
2. Lermontov M.Yu. Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 2. M., 1990.
3. Ostrovskiy A.N. Polnoe sobranie sochineniy v 16 t. Tom 8. M., 1950.
4. Trunov D.G. Identichnost' protiv seksual'nosti: tri zhenskikh kompleksa // Semeynaya psikhologiya i semeynaya terapiya. 2006. № 2. S. 109-113.
5. Frantsuzskaya literaturnaya skazka XVII-XVIII vv. M., 1990.
6. Shekspir U. Tragedii. M., 2005.